

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ
U N I V E R S U M

АЛАН ДИН ФОСТЕР

Чужой: Пробуждение

Чужие

Пионер

**Чужой.
Пробуждение**

ЭКИПАЖ «НОСТРОМО»

АРТУР ДАЛЛАС
(англ. Arthur Dallas),
капитан корабля

**ГИЛБЕРТ УАРД «ТОМАС»
КЕЙН**
(англ. Gilbert Kane),
помощник капитана

ЭЛЛЕН ЛУИЗА РИПЛИ
(англ. Ellen Louise Ripley),
урент-офицер

ДЖОАН МАРИ ЛАМБЕРТ
(англ. Joan Marie Lambert),
штурман

ДЕННИС МОНРО ПАРКЕР
(англ. Dennis Monroe Parker),
старший техник

СЭМИЮЭЛЬ ЭЛИАС БРЕТТ
(англ. Samuel Elias Brett),
механик

ЭШ
(англ. Ash),
андроид модели Hyperdyne
Systems 120-A/2, занимавший
должность научного сотрудника

Так же на «Ностромо» жил кот
по имени **ДЖОНСИ**

Экипаж на борту корабля главным образом должен производить постановку корабля в док, погрузку/разгрузку, взлет/посадку и ремонтные работы. Минимальное необходимое количество членов экипажа для взлета/посадки – четыре.

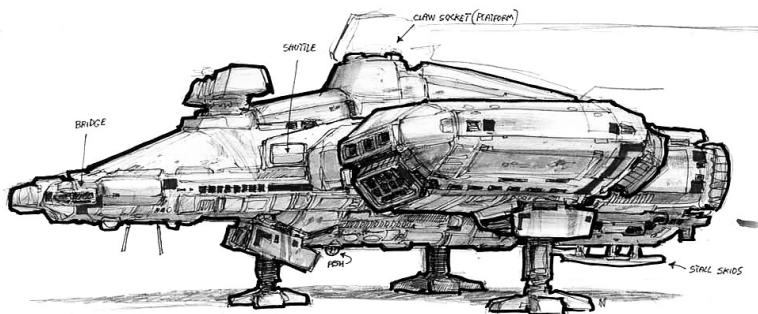
ХАРАКТЕРИСТИКИ «НОСТРОМО»

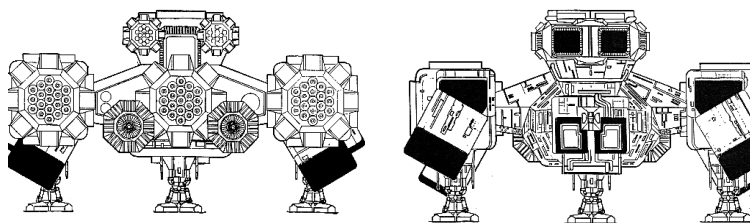
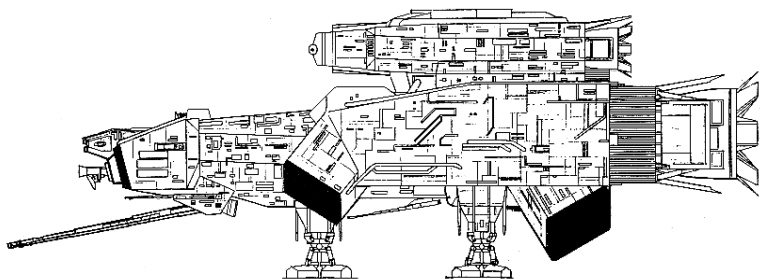
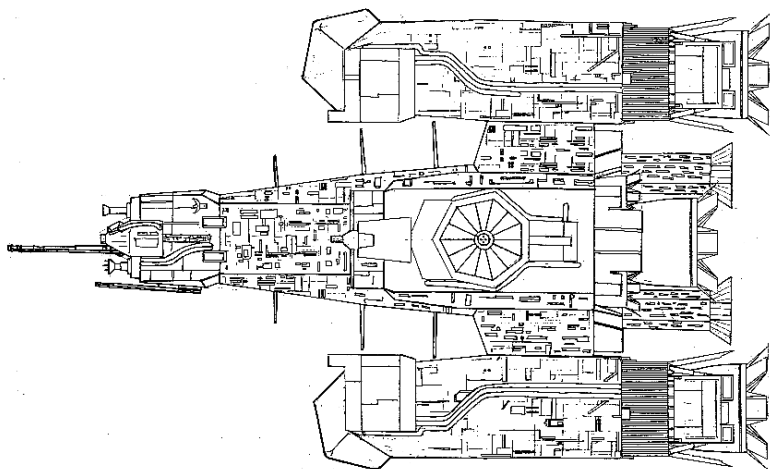
USCSS (United States Commercial Space Ship) «Nostromo» (коммерческий космический корабль США «Ностромо»). Модификация «Lockmart CM-88B Bison». Транспорт. Регистрационный номер — 180924609.

«Ностромо» представляет собой построенный в 2101 году коммерческий корабль, который являлся собственностью компании «Вейланд-Ютани». В 2116 был переоборудован в буксир, предназначенный для межзвездной транспортировки тяжелых грузовых платформ и доставки их в орбитальные доки для погрузки/разгрузки. Буксир оснащен атмосферными стабилизаторами, аэродинамическими тормозами, посадочными опорами и приспособлен к входу в атмосферу и посадку на поверхность планеты без внешней топографической привязки.

Корпус корабля разделен на следующие основные отсеки:

отсек управления полетом (капитанский мостик),
кают-компания,
анабиозный отсек,
медицинский отсек,
складской отсек,
отсек воздушного шлюза,
реакторный зал,
двигательный отсек с постом инженерно-технического контроля.

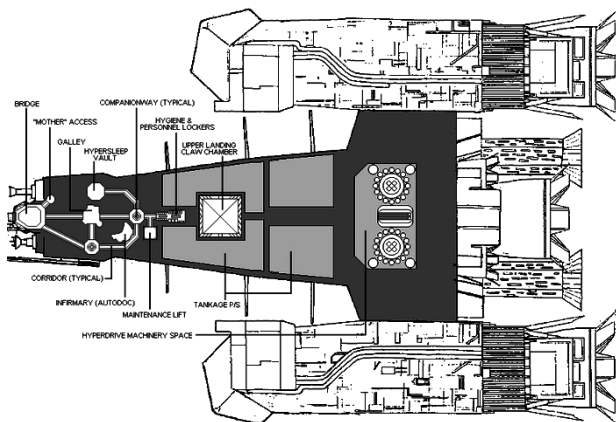

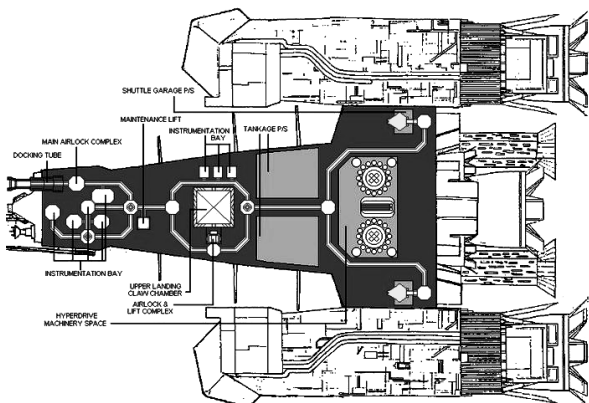

«Ностромо» имеет три палубы (уровня) — «А», «Б», «В».

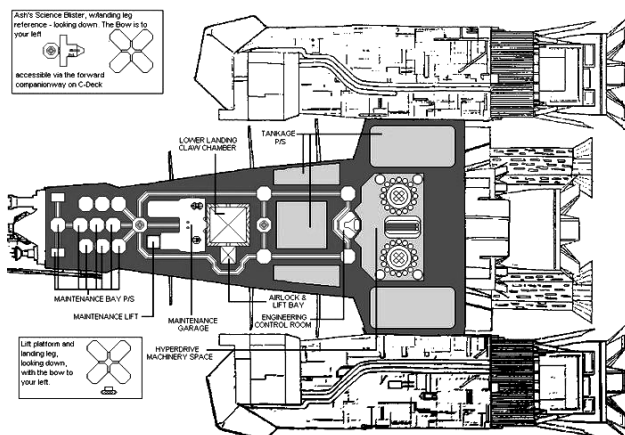
На уровне «А» расположены: коридор, капитанский мостик, кают-компания, медицинский отсек, камбуз, камеры гибернации (анабиоза), интерфейс Матери (MU/TH/UR 6000) и отсек воздушного шлюза.

На палубе «Б» размещено основное техническое оборудование и обеспечен доступ к шаттлам. Буксир оборудован двумя спасательными шаттлами. «Нарцисс» — один из двух шаттлов, положенных «Ностромо», и расположен на держателях платформы под двигательным портом. «Нарцисс» был единственным действующим шаттлом в 2122 году, так как другой согласно приказу отправлен на вынужденный ремонт.

Палуба «В» используется главным образом для хранения оборудования и размещения посадочных опор (когда втянуты). Здесь же размещены наблюдательный блистер¹ Эша и двигательный отсек с постом инженерно-технического контроля Бретта и Паркера (тут же консоль самоуничтожения).

Длина корабля — 243,8 м.

Высота — 72,05 м.

Ширина — 164,6 м.

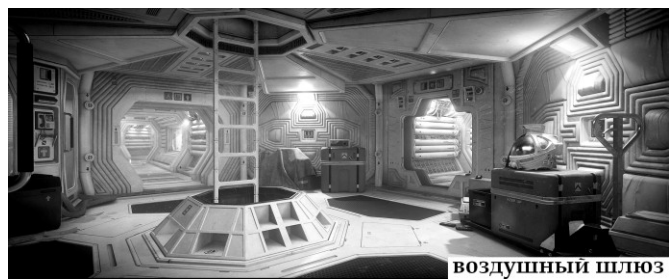
Масса — 45 тысяч тонн (пустой);

50 тысяч тонн (нормальная загрузка);

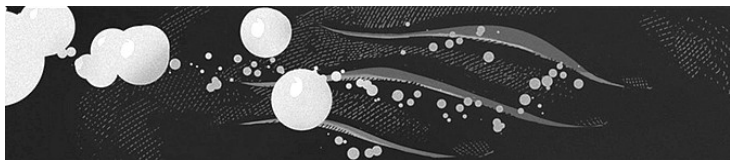
63 тысяч тонн (полная загрузка).

¹ Сферический выступ из прозрачного материала, служащий для проведения визуальных наблюдений в полете.

ВНУТРЕННИЙ ИНТЕРЬЕР «НОСТРОМО»

Глава 1

Семеро спали и видели сны. Спящие не были профессиональными творцами снов. Работа профессионалов оплачивалась очень высоко, они пользовались уважением, за такими талантами охотились. Эти же семеро, как и большинство из нас, видели сны, не прилагая для этого специальных усилий. Чтобы создавать сны профессионально с целью их последующей записи и массового тиражирования для развлечения прочих смертных, требовалось очень многое. Необходимо было уметь регулировать полуосознанные творческие импульсы и в то же время расслаивать воображение — необычайно труднодостижимое сочетание. Профессиональные творцы снов были одновременно и самыми организованными, и самыми непредсказуемыми из творческих людей. Они ткали паутину снов изоциренно и изысканно, не то, что мы с вами. Или эти семеро спящих.

Из всех семерых Рипли больше всего походила на профессионала. У нее был некий врожденный талант видеть сны и большая, по сравнению с остальными, гибкость воображения. Однако, ей все же не хватало вдохновения и зрелости мысли, характерных для профессиональных творцов снов. Ей хорошо удавались организация размещения грузов и заполнение деклараций. Ее разум действовал четко, но чувства были неуправляемы. В ее голове царил сумбур из всевозможных мыслей, страхов и надежд.

Уорент-офицер¹ Рипли явно нуждалась в большем самоконтроле. Витающие в ее голове мысли и образы не до конца осознавались ею. Ей иногда казалось, что стоило ей приложить небольшое усилие, и из нее получился бы неплохой профессионал.

---

¹ Уорент-офицер (англ. Warrant Officer) – группа званий в англоязычных странах. По статусу уорент-офицер занимает промежуточное положение между сержантами и младшими офицерами, и выполняет специальные функции технического специалиста.

Капитан Даллас, ленивый и неповоротливый на первый взгляд, на самом деле был наиболее организованным из всех. Нельзя сказать, что ему не хватало воображения: свидетельством тому была его борода. Перед тем, как войти в анабиоз, все мужчины сбривали усы и бороды. Все, кроме Далласа. На вопросы своих коллег он отвечал, что борода — это часть его личности. Он не может расстаться с ней, как с частью своего тела. Капитан Даллас управлял сразу двумя кораблями: межзвездным буксиром «Ностромо» и собственным телом. Для него оба они были неприкосновенны; что во сне, что наяву. Обладая минимальным воображением, Даллас отличался сильно развитыми способностями координатора и руководителя. Однако у профессионального творца снов оба эти качества должны были находиться в гармонии, недостаток первого никак не мог быть компенсирован избытком второго. Даллас был не более подходящим материалом для воспитания профессионала, чем Рипли.

Кейн, по сравнению с Далласом, хуже контролировал свои мысли и поступки, и был почти начисто лишен воображения. Он был просто хорошим и исполнительным офицером, и никогда не стал бы капитаном. Для этого необходим некий внутренний стимул вместе со способностью командовать другими, но Бог не наградил Кейна ни тем, ни другим. Его сны были бесцветными и бесформенными тенями в сравнении со снами капитана, как и сам Кейн казался лишь бледной копией Далласа. При всем этом он был довольно приятным человеком. Он также не смог бы профессионально создавать сны; ведь для этого требовался избыток энергии, а энергии Кейна едва хватало на повседневную жизнь.

В отличие от Кейна, сны Паркера были далеко не пасторальными. Хотя они страдали от недостатка воображения, были часто слишком специализированными и редко касались окружающих, — от инженера корабля и не приходилось ждать чего-либо другого, — его сны были четкими и недвусмысленными, а иногда — просто отвратительными. Вся муть и грязь, все самое низменное, что таилось в глубине его души и тщательно скрывалось от остальных членов экипажа, находило выход в этих снах.

Ламберт не столько сама видела сны, сколько являлась в снах другим, став для многих источником вдохновения. Даже в гиперсне ее неутомимый мозг работал над прокладыванием курса корабля и расчетом нагрузок, исходя из запасов топлива. Если воображение и вторгалось в ее сны,

то совсем не так, как у других, которым оно волновало кровь. При виде Ламберт у Паркера и Бретта тоже возникали мысли о «факторах нагрузки» и «пространственном со-
вмещении». Однако они носили такой характер, что, узнай о них Ламберт, она пришла бы в ярость. Подобные недо-
звольные мысли они держали при себе, допуская их только в своих дневных и ночных мечтаниях, дабы они не смогли привести ее в бешенство. Нельзя было допустить, чтобы Ламберт вышла из себя. Она, как штурман «Ностромо», от-
вечала за благополучную доставку корабля на Землю.

В списках экипажа Бретт значился как инженер-техник. Этот факт отражал то, что несмотря на одинаковые с Парке-
ром знания и ум, ему недоставало стажа работы. Эти двое из-за значительного различия характеров и темпераментов составляли довольно странную пару. Но эти различия не мешали им работать совместно и прекрасно ладить друг с другом. Очевидно, секрет успеха заключался в том, что Бретт никогда не лез в душу Паркеру. Техник был столь же флегматичен и немногословен, сколь Паркер был энергичен и разговорчив. Паркер мог произносить длинные тирады по поводу неисправности в микросхеме, проклиная всю родо-
словную этой схемы вплоть до почвы, из которой были до-
быты редкоземельные элементы, входящие в ее состав. Бретт же в таких случаях говорил просто: «Ну, ладно...». Для Бретта эта фраза была гораздо больше, чем выражение собственного мнения. Это был его способ самоутверждения. Молчание он считал лучшим способом общения, а болтлив-
ость расценивал как симптом ненормальности.

Седьмым членом экипажа был Эш, научный сотрудник. Однако, не его должность делала его сны столь удивитель-
ными. Причем по-особенному удивительными, а не просто смешными. Из всего экипажа его сновидения были наибо-
лее профессионально организованными.

Они больше, чем у всех остальных, соответствовали его бодрствующей сущности. Его сны не содержали никаких иллюзий. Если хорошо знать Эша, то это не было странно. Но из шести его товарищей никто не знал его по-настоящему. Зато Эш хорошо разбирался в себе и знал, что мешает ему стать профессиональным творцом снов, хотя это занятие привлекало его гораздо больше, чем остальных.

Там был еще кот по кличке Джонси. Самый обычный домашний или, в данном случае, корабельный кот. Это был большой рыжий кот с неясной родословной и независимой манерой поведения, давно уже привыкший и к причудам космических полетов и к особенностям характеров людей,

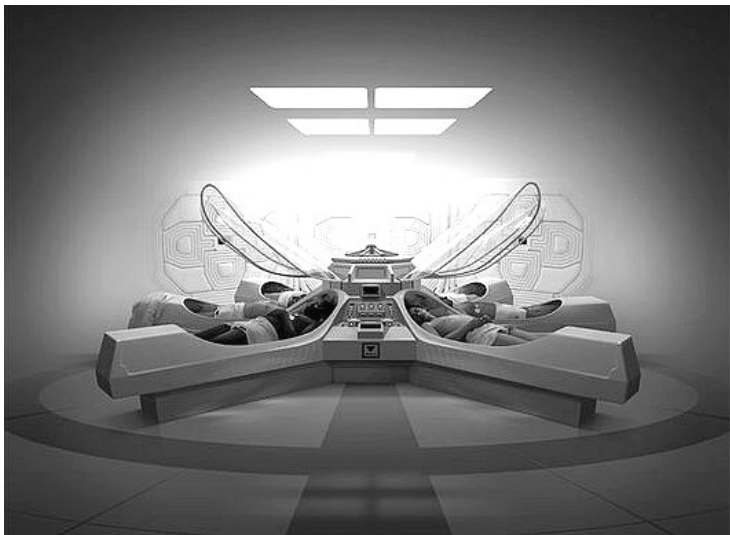
путешествующих в космосе. Вместе с остальными членами экипажа он находился в анабиозе, и видел простые сны о теплых и темных местах и о мышах, подверженных действию силы тяжести. Он был единственным из спящих, кто чувствовал удовлетворение, хотя его и нельзя было назвать простаком.

Просто удивительно, что никто из спящих на борту космического корабля не достиг до сих пор квалификации профессионального творца снов. Ведь у них для этого было гораздо больше времени, чем у любого профессионала на Земле, хотя в анабиозе даже сны замедлялись. В силу необходимости они вынуждены были проводить во сне многие месяцы. Все, что можно было делать в охлаждающих камерах, куда помещался экипаж на время перелета, — это спать и видеть сны. Они могли остаться вечными любителями, правда, они уже давно стали весьма компетентными любителями.

Не спал лишь «Ностромо». Он не нуждался во сне. Он работал постоянно и делал все для поддержания чуть теплившейся жизни людей, погруженных в анабиоз. От такой жизни до истинной смерти был всего лишь шаг, и смерть следовала за гиперсном, словно акула в ожидании добычи за кораблем в океане. Сонная тишина на борту корабля нарушалась лишь тихим жужжанием приборов. Повсюду были установлены датчики, которые контролировали каждую приборную стойку, каждую электрическую цепь. Наружные датчики следили за пульсом космоса, фиксируя электромагнитные возмущения.

Часть электронного мозга «Ностромо» была предназначена для анализа таких возмущений. Стоило поступить сигналу, как тут же оживали бездействовавшие до поры микросхемы, и спустя некоторое время машина принимала какое-то решение, что сопровождалось изменениями на панели световых индикаторов. На борту «Ностромо» раздался характерный сигнал, хотя никто из спящих не мог его услышать. Этот сигнал стал предвестником довольно редкого во время перелета события. На корабле, в царстве мерцающих ламп и приборов, находился особый отсек с семьей «коконами» из белоснежного металла и пластика. Отсек наполнился новыми звуками — это со свистом и шипением выходил из резервуаров воздух, делая атмосферу на корабле пригодной для дыхания. Чело веческие существа переложили бремя заботы о себе на искусственный разум, доверив ему в нужный момент вдохнуть в них жизнь. Приборы в комнате провели анализ воздуха и нашли его приемлемым

для поддержания жизни столь хрупких и уязвимых существ, как люди. Зажглись новые индикаторы, замкнулись новые цепи. Без громких звуков фанфар крышки над семью куклками открылись, и находившиеся внутри гусеницеобразные формы снова начали выходить на свет.

Семь членов экипажа «Ностромо» медленно возвращались к жизни. Они имели довольно жалкий вид. Во-первых, они были мокрыми от специального раствора, в который они были погружены на время гиперсна. Во-вторых, они были нагими, а жидкость — это плохой заменитель той искусственной оболочки, которая называется одеждой.

— О, Господи, — пробормотала Ламберт, брезгливо отряхивая с плеч и с боков капли жидкости, — до чего же мне холодно!

Она выбралась из некоего подобия гроба, сохранявшего жизнь, а не смерть, и стала рыться в одном из стальных шкафов. Найдя там полотенце, она принялась стирать прозрачную вязкую жидкость со своих ног.

— Какого черта Мать не согревает корабль перед нашим пробуждением? — спросила она, продолжая растирать полотенцем и пытаясь припомнить, куда она засунула свою одежду.

— Ты же знаешь, почему, — Паркер был слишком занят своим затекшим, негнувшимся телом, чтобы взглянуть на обнаженную Ламберт. — Это политика Компании. Она выгадывает на экономии энергии. К чему тратиться на обогрев

до самой последней секунды? Кроме того, при выходе из гиперсна всегда бывает холодно. Ты же знаешь, что температура тела при анабиозе понижается.

— Да, знаю. Но здесь до сих пор холодно, — пробормотала штурман. Она никак не хотела признать правоту Паркера, он ее совершенно не интересовал.

«Черт побери. Мать, — думала она, глядя на мурашки на своих руках, — дай хоть немного тепла!»

Даллас обтирался полотенцем, стараясь не смотреть на то, что пока заметил только он. Он обратил на это внимание сразу же, еще до того, как вылез из своей камеры. Корабль сам устроил так, чтобы он увидел это.

— Работа нас быстро согреет.

Ламберт пробормотала что-то неразборчивое.

— Каждому занять свой пост. Надеюсь, вы помните, за что вам платят деньги. Тем более, что сон прогнал все заботы.

На это никто не возразил и не улыбнулся. Паркер посмотрел туда, где его приятель все еще сидел в своей камере.

— Доброе утро, Бретт. Ты все еще с нами?

— Да.

— Нам повезло! — сказала Рипли. Она потянулась, и у нее это получилось грациознее, чем у остальных. — Приятно убедиться, что наш главный оратор разговорчив, как всегда.

Бретт в ответ лишь улыбнулся. Он был так же многословен, как и машины, которые он обслуживал. Это была дежурная шутка в их компании. Он и сам охотно принимал в ней участие.

Даллас, держа ладони перед грудью и разведя локти в стороны, делал повороты корпусом. Ему казалось, что он слышит поскрипывание отвыкших от работы мышц. Все его мысли занимал мигающий на панели желтый огонек. Этот сигнал был способом корабля сообщить ему, что не окончание полета является причиной пробуждения экипажа. Капитан гадал, что же могло быть этой причиной.

Эш приподнялся и сел, обводя комнату ничего не выражающим взглядом. Взглянув на его лицо, можно было подумать, что он все еще находится в состоянии гиперсна.

— Я чувствую себя мертвым.

Он посмотрел на Кейна. Тот зевал и, казалось, никак не мог проснуться. Эш был убежден, что старшему помощнику даже нравится состояние гиперсна, и, имея Кейн такую возможность, он проспал бы всю оставшуюся жизнь.

Не подозревая о подобных мыслях научного сотрудника, Паркер взглянул на Эша и сказал:

— Ты и похож на мертвого.

Он понимал, что и сам, пожалуй, выглядит не лучше. Гиперсон плохо сказывался не только на мышцах, но и на коже. Он перевел взгляд на камеру Кейна. Тот, наконец, пришел в себя.

— Приятно снова проснуться, — сказал он, моргая.

— Вряд ли, судя по тому, сколько времени ты тратишь на пробуждение.

Кейн выглядел задетым.

— Это клевета, Паркер. Просто я более медлителен, чем все вы.

— Ладно, — инженер решил переменить тему разговора и повернулся к капитану, который внимательно смотрел на что-то вне поля зрения инженера. — Прежде чем мы приземлимся, может быть, стоит обсудить вопрос о премии?

— Да, — впервые с момента пробуждения оживился Бретт.

— Мы с Бреттом думаем, — продолжал Паркер, натягивая ботинки, — что кроме зарплаты, мы заслужили премию в полном объеме.

Даллас устало подумал, что, по крайней мере, гиперсон не отразился на характере инженеров. Едва придя в себя, они сразу же начинали предъявлять претензии.

— Вы двое получите то, что вам полагается по контракту, не больше и не меньше. Как и все остальные.

— Да мы же получим меньше всех, — тихо проговорил Бретт.

Для него это была целая речь, которая, однако, не произвела должного впечатления на капитана. Далласу было не до того, он думал о тревожном желтом сигнале.

— Значит, другие и заслуживают больше. Если недовольны, обращайтесь в Компанию.

— Обращайтесь в Компанию! — проворчал Паркер, глядя как Бретт вылезает из своего гроба. — С таким же успехом можно жаловаться самому Господу Богу!

— Точно, — Бретт склонился над панелью своей камеры, что-то там подправляя. Все еще полусонный, не одетый и даже не обтершийся полотенцем, Бретт уже приступил к работе. Он был из тех людей, которые могут несколько дней ходить со сломанной ногой, но не могут смириться с неисправностью туалета.

Даллас, направляясь в отсек центрального компьютера, бросил через плечо:

— Ну вы, болтуны, достаньте кто-нибудь кота.

Рипли вынула из камеры вялое рыжеватое существо и принялась стряхивать с него жидкость.

— Нам следует серьезнее относиться к нему, — сказала она. — Джонси — не часть оборудования. Он такой же член экипажа, как любой из нас.

— Даже лучше, чем некоторые, — Даллас проводил взглядом Паркера и Бретта, которые уже успели одеться и направлялись в инженерный отсек. — Он, по крайней мере, не отнимает у меня время жалобами на оклады и премии.

Рипли ушла, унося с собой кота, завернутого в пушистое полотенце. Кот тихо мурлыкал и, сохраняя достойный вид, вылизывал свою шерсть. Он не впервые выходил из гиперс-на. В настоящий момент он был готов вынести унижение, связанное с таким способом его транспортировки.

Даллас обтерся насухо, нажал кнопку у основания своего гроба и достал из бесшумно выдвинувшегося ящика свою одежду.

Пока он одевался, рядом с ним оказался Эш. Научный сотрудник застегивал свою рубашку.

— Мать хочет поговорить с тобой? — шепотом спросил он, кивая на мигающий желтый огонек.

— Да, — ответил Даллас, надевая рубашку. — Желтый сигнал. Это еще не тревога. Не стоит пока говорить остальным. Если будет что-то серьезное, они сами скоро узнают.

Даллас натянул поверх рубашки свободный коричневый жакет, оставив его не застегнутым.

— Может, все еще обойдется, — с надеждой в голосе произнес Эш. — Это всего лишь желтый сигнал, не красный.

— Это пока, — Даллас не был оптимистом. — Я предпочел бы проснуться при веселом зеленом сигнале, зная, что все в порядке.

Он попытался приободриться:

— Может быть, просто неполадки в нашем автоматическом поваре? Если учесть, что он называет пищей, — это было бы просто подарком.

Он попытался улыбнуться, но улыбки не получилось. «Ностромо» не был человеком. Он никогда не разыгрывал шуток с экипажем; и раз уж они были разбужены при желтом предупредительном сигнале, на это должна была быть веская причина. Забарахливший автоповар к таковым не относился. С другой стороны, грех было жаловаться, даже если после многих месяцев сна и придется попотеть часок-другой.

Центральный компьютерный отсек, куда направился Даллас, немного отличался от остальных помещений на борту «Ностромо». Калейдоскоп всевозможных датчиков, экранов, разноцветных мигающих индикаторов создавал

какое-то праздничное впечатление, наводя на мысль о Рождестве. Даллас опустил в мягкое кресло и задумался. Эш занял место напротив Банка Памяти, действуя очень четко для человека, только что очнувшегося от гиперсна. Научный сотрудник не имел себе равных в умении обращаться с машинами.

Даллас всегда немного завидовал этой способности Эша. Все еще полусонный, капитан набрал на дисплее первую командную строку. Он проверил формулировку и нашел ее верной: «ЭКСТРЕННАЯ РАБОТА НАРУЖНОГО МОНИТОРА ДЛЯ ВЫДАЧИ МАТРИЦЫ И ЗАПРОСА».

Мать отозвалась немедленно: «НАРУЖНЫЙ МОНИТОР ВЫДАЕТ МАТРИЦУ».

Под этой короткой строкой выстроились столбцы информирующих символов. Даллас пробежал их глазами, выбрал нужную секцию и набрал команду: «ЭКСТРЕННЫЙ КОМАНДНЫЙ ПРИОРИТЕТ».

Мать ответила: «НАРУЖНЫЙ МОНИТОР ГОТОВ ДЛЯ ЗАПРОСА».

Для электронного мозга была характерна краткость выражений, и Мать не составляла исключения. Далласу это было по душе. Он и сам не отличался многословием, а потому спросил напрямик: «ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, МАТЬ?» и стал ждать ответа...

Нельзя сказать, что командный отсек «Ностромо» был просторным. Он, конечно, меньше остальных помещений на корабле вызывал ощущение клаустрофобии, но не намного. Вдоль стен были установлены экраны внешнего обзора, перед компьютерными терминалами стояли пять кресел. Еще больший командный отсек был бы недопустимой роскошью, поскольку основное время экипаж корабля проводил в состоянии анабиоза в своих охлаждающих камерах. Этот отсек предназначаются для работы, а не для отдыха или развлечения. Люди это хорошо понимали.

Герметичная дверь бесшумно ушла в стену. В отсек вошел Кейн, следом за ним — Рипли, Ламберт и Эш. Каждый из них занял свое место перед терминалом с фамильярностью старых друзей, вновь встретившихся после долгой разлуки.

Пятое кресло осталось незанятым. Оно предназначалось для капитана, который в это время с глазу на глаз вел диалог с Матерью, компьютерным Банком Памяти «Ностромо». Это прозвище было выбрано не случайно и без тени иронии. Обычно люди очень серьезно относятся к машинам, от которых целиком зависит их жизнь. Со своей стороны, машина не возражала против подобного обращения.

На каждом из членов экипажа была одежда свободного покроя, которая несла на себе отпечаток личности ее владельца. Рубашки и брюки были потертыми и помятыми после нескольких лет хранения. Впрочем, то же самое можно было сказать и о телах, на которые они были надеты.

Первый звук, раздавшийся в командном отсеке после многих месяцев тишины, выразил чувства всех присутствующих, хотя они и не осознали этого. Это было мяуканье Джонса, которого Рипли принесла с собой. Стоило ей усесться в кресле, как кот, мурлыча, стал тереться о ее ноги.

— Включите питание.

Кейн осмотрел свой дисплей, пока Рипли и Ламберт щелкали переключателями и нажимали нужные кнопки. Подчиняясь воле людей, дисплеи ожили. Казалось, приборы тоже устали стоять без употребления и были рады появлению своих хозяев. Кейн просмотрел колонки цифр и слов на своем дисплее и сказал:

— Как будто все в порядке. А теперь включи обзор.

Пальцы Ламберт пробежались по клавиатуре, и в ту же минуту во всем отсеке засветились экраны внешнего обзора. Штурман, всматриваясь в ближайший экран, нахмурилась. Она увидела многое из того, что ожидала увидеть, но не увидела главного.

— Где же Земля? — воскликнула она.

Кейн в недоумении уставился на свой экран. Даже если предположить, что корабль вышел из гиперпространства раньше времени, все равно их родная Солнечная система должна была быть видна хорошо. Однако ни Земли, ни Солнца на экране не наблюдалось.

— Ты же штурман, Ламберт. Скажи, в чем дело?

Какое-то солнце все же виднелось в центре экрана, но это было не их Солнце. Оно было совершенно другого цвета, и вращавшиеся вокруг него планеты, увеличенное изображение которых возникло на экранах, были не той формы, не того размера и не в том количестве.

— Это не наша система, — произнесла вслух Рипли то, о чем думали все.

— Может быть, все дело в ориентации? — слова Кейна прозвучали неубедительно даже для него самого. — Как известно, корабль выходит из гиперпространства кормой к пункту назначения. Возможно, это система Центавра, наше Солнце находится позади корабля. Прежде чем паниковать, давайте проведем сканирование.

Он не добавил, что видимая на экране система даже отдаленно не напоминала систему Центавра.

Герметичные камеры на поверхности «Ностромо» начали медленно поворачиваться, пытаясь найти в глубинах бесконечности хотя бы намеки на присутствие теплой Земли. Свой вклад в сканирование космического пространства вносили и дополнительные камеры, расположенные на поверхности груза, который буксировал «Ностромо». Этот груз представлял собой скопление огромных металлических резервуаров. Люди, жившие несколько веков назад, очень удивились бы, узнав, что «Ностромо» буксирует в космосе огромное количество сырой нефти вместе с автоматической нефтеперегонной установкой.

К тому моменту, как «Ностромо» прибудет на околоземную орбиту, процесс перегонки нефти должен быть полностью завершен. Такие перевозки стали необходимостью. Человечество давным-давно нашло эффективную замену нефти как источнику энергии. Это случилось уже после того, как из Земли была выкачана последняя капля этого драгоценного сырья.

Механизмы теперь приводились в движение солнечной и термоядерной энергией. Но они не могли заменить нефтепродукты. Из термоядерной энергии при всем желании нельзя было изготовить, к примеру, пластик. А современный мир, пожалуй, скорее обошелся бы без энергии, чем без пластика. Именно это обстоятельство делало рейсы «Ностромо» столь выгодными в коммерческом плане.

Единственная система, зафиксированная камерами вблизи корабля, состояла все из того же чужого солнца в окружении незнакомых планет. Теперь Кейн не сомневался, что «Ностромо» держит курс на эту систему. Возможно, ошибка заключалась не в пространстве, а во времени, и они вышли из гиперпространства раньше намеченного срока. Это было легко проверить.

— Вызови транспортный контроль, — Кейн нервно покусывал нижнюю губу. — Если получим какой-нибудь ответ, по крайней мере, будем знать, что мы в правильном квадранте. Если Солнечная система где-то неподалеку, мы сможем уловить сигнал одной из внешних передающих станций.

Ламберт передала сообщение:
— Говорит межзвездный коммерческий буксир «Ностромо», регистрационный номер один — восемь — ноль — два — четыре — шесть, следующий по маршруту «Земля» с грузом сырой нефти и нефтеперегонной установкой. Вызываю Антарктический Центр транспортного контроля. Вы меня слышите? Конец связи.

Тишина, повисшая в командном отсеке, нарушалась лишь слабыми сигналами отдаленных звезд. Им вторило мурлыканье Джонса в ногах у Рипли.

Не дождавшись ответа, Ламберт сделала еще одну попытку:

— Межзвездный коммерческий буксир «Ностромо» вызывает Антарктический Центр транспортного контроля Солнечной системы. У нас возникли навигационные затруднения. Это приоритетный вызов. Пожалуйста, ответьте!

Ответа вновь не последовало. Ламберт встревожилась:

— SOS, SOS! Буксир «Ностромо» вызывает Центр транспортного контроля Солнечной системы или любой космический корабль, который нас слышит! SOS!

Неоправданный сигнал бедствия (а Ламберт отдавала себе отчет в том, что в настоящий момент их кораблю ничего не угрожает), как и предыдущие, остался без ответа. Расстроенная, она выключила передатчик, но приемное устройство оставила включенным на случай, если поблизости удастся засечь сигналы какого-нибудь корабля.

— Я уверена, что мы находимся далеко от нашей системы, — сказала Рипли.

— Надо продолжать выходить на связь, — Кейн повернулся к Ламберт. — Так где же мы все-таки находимся?

— Пытаюсь определить.

Спустя несколько минут интенсивного диалога с компьютером она удовлетворенно улыбнулась.

— Нашла. Мы недалеко от системы Зета Два. Даже не достигли внешнего обитаемого кольца. Поэтому мы и не можем уловить сигналов навигационных бакенов, не говоря уже о контрольных станциях Солнечной системы.

— Но какого черта нас сюда занесло? — терялся в догадках Кейн. — Если с кораблем все в порядке, а до Земли еще далеко, зачем же Мать нас разморозила?

Словно в ответ на его слова по всему кораблю раздался сигнал общего сбора экипажа.

В хвостовой части «Ностромо» находилось машинное отделение. Здесь было сердце корабля. Производимая здесь энергия толкала «Ностромо» вперед, давая кораблю возможность искривлять пространство, игнорировать время и, дразня, показывать свой металлический нос Эйнштейну... и лишь малая ее часть расходовалась на жизнеобеспечение людей.

В передней части этого громадного жужжащего комплекса располагалось небольшое остекленное помещение, где сидя в креслах отдыхали двое. Это были инженеры, в обязанности которых входило обеспечение бесперебойной работы всех машин и механизмов. Они заботились о механизмах, а механизмы заботились о них.

Большую часть времени машины сами прекрасно справлялись с заботой о себе, давая людям возможность тратить время на более достойные занятия. Например, потягивать пиво и рассказывать непристойные анекдоты. Сейчас была очередь Паркера развлекать своего напарника. Он, наверно, уже в сотый раз рассказывал историю, которая ему самому очень нравилась.

— ...и мадам со слезами бросилась мне на шею, умоляя спасти этого простака, — вспоминал Паркер. — Бедняга даже не понял, как попал туда. Ты же помнишь этот зал. Все четыре стены, пол и потолок — все из сплошных зеркал, а с потолка свисают сети, предохраняющие от ударов о стены. Это место не для слабонервных. Ребята решили подшутить и создать имитацию свободного падения. Представляешь, как он запаниковал, когда все вокруг завертелось! Эти зеркала совсем сбили его с толку. С перепугу его начало рвать. Он никак не мог унять рвоту. Я думаю, бедняга надолго запомнит эту шуточку.

— Да, — улыбнулся Бретт.

Паркер отхлебнул еще пива и, откинувшись в кресле, лениво нажал клавишу на своем терминале. Зажегся зеленый огонек.

— Какой у тебя сигнал? — спросил он у Бретта.

— Зеленый, — отозвался тот.

— У меня тоже.

Паркер наблюдал за пузырьками в бокале с пивом. Всего несколько часов назад он вышел из гиперсна, но уже скучал. Все механизмы работали исправно, делать было решительно нечего, да и поговорить было не с кем, не считая Бретта. Хотя о чем можно было говорить с человеком, для которого

произнести нормальное предложение из нескольких слов было равносильно подвигу.

— Мне кажется, — проговорил Паркер, — что Даллас намеренно игнорирует наши разговоры о премии. Может, конечно, он и не распоряжается финансами, но он же капитан. Если бы он захотел, он мог бы написать рапорт или, по крайней мере, замолвить за нас словечко. Это сыграло бы свою роль.

Его размышления были прерваны сигналом переговорного устройства.

— О, Господи! Что там еще такое? Невозможно спокойно посидеть несколько минут.

— Верно, — согласился Бретт, наклоняясь вперед и прислушиваясь.

Голос Рипли произнес:

— Сбор в кают-компании.

— Сейчас еще не время обеда, да и до ужина еще далеко, — Паркер был в замешательстве. — Либо мы собираемся разгрузаться, либо... — он вопросительно посмотрел на своего коллегу — Скоро узнаем, — отозвался Бретт.

По дороге в кают-компанию Паркер с отвращением посмотрел на далекие от антисептической чистоты стены коридора уровня «В».

— Хотел бы я знать, почему остальные никогда не спускаются сюда? Вот где настоящая работа!

— По той же причине, по которой нам так мало платят.

— Знаешь, что я тебе скажу? Это все дурно пахнет.

Тон, которым эти слова были произнесены, не оставлял сомнений в том, что Паркер имел ввиду совсем не запах, исходящий от коридорных стен.

